

Сергей Шаповалов

**Император. Книга
четвертая. Александр**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.3
ББК 84(2)6
Ш24

Шаповалов С. А.

Император. Книга четвертая. Александр / Шаповалов С. А. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 153 с.

ISBN 978-5-532-93131-2

Одна из трагичных страниц в истории России. В четвертой части романа "Император" повествуется о подготовке заговора против Императора Павла, его свержении и воцарении Александра Первого.

Содержание

Петербург	4
В новой должности	43
Суворова с нами больше нет	47
У истоков заговора	79

Петербург

К заставе подъехали к десяти вечера, уже в полной темноте. Шлагбаум был опущен. Чадил смоляной факел, больше давая дыма, чем света. В деревянной полосатой будке дремал часовой. Непода­лёку низенький караульный домик из бурого кирпича. Маленькие запylённые окошки слабо светились. Подальше у обочины стоял дощатый трактир, из которого исходил дух щей и свежего хлеба. Почтовая станция с конюшней лепилась к трактиру.

– Стой! – скомандовал солдат, выйдя из полосатой будки. – Кто едет?

Тут же в дверях караульного домика показался унтер-офицер. Фукс высунулся из окна кареты.

– Генералиссимус Суворов, – сказал он.

Унтер-офицер обернулся и крикнул внутрь караульного домика:

– Генералиссимус!

Дверь, распахнулась настежь, чуть не слетев с петель. Гулко стук­нулась о стену. Унтер-офицера едва не опрокинули на землю. Чело­век двадцать офицеров выбежали из домика и окружили карету.

– Вы с ума сошли, господа! – зашипел на них Фукс. – Кто вам позволил встречать князя? Сами наказаны будете, да еще на светлей­шего гнев накликаете. Вы же прекрасно знаете об указе императора.

– Простите, но честь нам не позволяет не встретить генералисси­муса, – оправдывались офицеры.

– Господа, светлейший без сознания. Оставьте, – умолял их Фукс.

– Хоть одним глазком взглянуть, – просили офицеры.

– Не тревожьте князя, – просил Фукс. – И без того еле живым довели. Ему покой нужен, а не ваши виваты.

Шлагбаум взвился вверх. Усталые лошади повлекли карету с больным генералиссимусом в город. Офицеры выстроились по обе стороны дороги, отдавая честь. Затем кликнули ординарцев, которые прятали коней в небольшой рощице за трактиром. Вскоре все тихо разъехались. Вот и вся триумфальная встреча.

Один я остался стоять на дороге. Солдат не спеша опустил шлагбаум и спрятался обратно в полосатой будке. Унтер-офицер помялся. Хотел было мне предложить погреться в караульном домике, но не решился. Ушёл.

Неужели я вернулся? – не верилось мне. – Всего в миле от меня Петербург. Как странно, я уезжал два года назад, имея при себе одну лишь шпагу. Теперь возвращаюсь с тем же богатством. А что там в Петербурге? Кто меня ждёт? Аракчеев? Опять штабная рутина: возня с бумагами, разъезды по городу, скудный ужин в ближайшей харчевне и холодная постель в съёмном клоповнике... В редкие выходные – сборище друзей с попойкой и возможный отдых на гауптвахте.

Софья! – как будто кто-то крикнул в глубине души. Софья? С чего бы? Зачем я ей? Давно забыт...

– Ваше благородие! – окликнул меня мой новый ординарец. – Скоро к ночи.

Действительно, надо ехать. Не торчать же мне здесь до рассвета. Доберусь в казармы, отрапортую дежурному офицеру, получу место для ночлега. Нет! Все же надо сперва побывать у Аракчеева. Сделать доклад. Заодно потребовать ответа за дурацкое поручение, касаемо Великого князя Константина. А еще добиться через Аракчеева аудиенции у императора. Время позднее, но генерал-губернатор, бывало, засиживался далеко за полночь.

Я взглянул на дорогу, ведущую в Петербург. Голые деревья по обочинам, не просыхающая колея, разбитая сотнями колёс, кучки лошадиного навоза...

Как-то тоскливо стало на душе. Все же, что меня ожидает?

Хотел уже было тронуть коня, как к караульному домику со стороны города подъехала изящная карета. Герба на двери я не разглядел. Четвёрка отличных коней запряжена цугом. Лакей соскочил с задка, опустил ступеньку и открыл дверцу. Из кареты, осторожно ступая, вышла дама в соболей шубке. На груди меховая муфточка, куда она прятала руки.

Странно было видеть в столь поздний час на городской заставе благородную женщину в сопровождении всего лишь кучера и лакея.

Видать важное дело привело её сюда. Она огляделась, заметила меня. Вдруг сделала несколько торопливых шагов в мою сторону и замерла в нерешительности...

Она же сейчас испачкает подол шубки, – подумал я. Кругом апрельская грязь. Какое-то смутное предчувствие горячей волной поднялось в груди. Что-то знакомое было в её облике. Я, не осознавая, что делаю, прыгнул на землю и зашагал навстречу, прямо по лужам. Мы остановились на расстоянии вытянутой руки. В скудных отблесках факела я разглядел красивое гордое лицо юной девушки. Знакомые черты.... До боли знакомые...

– Семён? – сказала она или спросила, как бы не веря.

– Господи! Софья! – вырвалось у меня.

Глаза её заблестели, и по щекам потекли слезы. Она вынула руки из муфточки и протянула мне. Я схватил маленькие мягкие, ладошки. Даже под шёлковыми перчатками почувствовал жар.

– Тише, Семён, тише, – умоляла она.

– Откуда вы здесь? – Я поцеловал её пальчики, унизанные тонкими колечками.

Софья подошла еще ближе и прошептала:

– Я хотела вас увидеть.

– Меня? – изумился я и слегка растерялся.

– Да! Кого же ещё? – разозлилась она, словно сестра на глупого младшего брата.

Она прильнула к моей груди. Я обнял её за плечи. Пушистый мех щекотал мне лицо. Я не верил! Софья! Моя Софья!

– От вас ужасно пахнет порохом. – Она неуловимым движением выскользнула из моих объятий. Поморщила носик. – Пойдёмте же скорее в карету. Меня не должны видеть одну, да еще так поздно.

Софья крепко схватила меня за руку и потащила за собой.

– Как же вы решились приехать сюда, так поздно? – спросил я, когда карета, мягко покачиваясь, катила по дороге. – Неужели из-за меня?

– До чего же вы глупый, – задумчиво произнесла она. – Вы все прекрасно понимаете и задаёте ненужные вопросы.

Я почувствовал, как щеки мои начинают гореть.

– Простите, – буркнул я. Её пальцы крепко сжала мою ладонь. Надо было бы продолжить разговор, но я не знал с чего начать. Как-то все странно и неожиданно.

Я осмотрел карету. Дорогая обивка. Шторки с кисеёй. Мягкие диваны.

– Не удивляйтесь, – поняла мои мысли Софья. – Моя матушка нынче в звании гофмейстерины двора Великого князя Александра. Меня назначили фрейлиной к его супруге, Елизавете Алексеевне.

– Фрейлиной? – удивился я. – И вы снизошли до простого лейтенанта.

– Что в этом удивительного? – фыркнула она. – Екатерина Великая тоже снисходила до простых лейтенантов. Но расскажите мне о себе. Где вы так долго странствовали?

– Ох, и длинная получится история, – усмехнулся я. – Недели не хватит, чтобы поведать обо всех моих приключениях.

– Обязательно потом мне все расскажите, – потребовала она. – Но, слава Богу, что вы живы и здоровы. Я молилась за вас...

Её пальчики еще сильнее стиснули мою ладонь.

– Даже не знаю, как вас благодарить? – пролепетал я что-то невнятное.

Между тем, колёса застучали по булыжникам. Мы въехали в город. За каретой скакал ординарец, ведя в поводу мою лошадь.

– Мне нужно в штаб, – вспомнил я.

– В штаб? Так поздно? Да, конечно, – кивнула она, и в голосе её прозвучали грустные нотки. – Я вас высажу у входа. Мне сейчас влетит, за то, что я без разрешения покинула дворец.

– Не стоило так из-за меня рисковать.

В ответ я получил насмешливый взгляд. Её лицо с озорными глазами оказалось совсем рядом.

– Вот еще! Хочу – и рискую.

Карета остановилась. Софья нехотя разжала пальцы, выпуская мою руку.

– Прощайте, – прошептала она.

– До скорой встречи, – ответил я.

Она еще хотела что-то сказать, но лакей захлопнул дверцу, и карета покатила дальше.

Я приказал ординарцу отправляться в казармы, а лошадь мою отвести в полковую конюшню.

– Как же вы потом в ночи доберётесь? – забеспокоился он.

– Ничего, дойду. Здесь недалеко.

Вокруг было тихо, темно и пустынно. Но, несмотря на позднее время, в штабе еще светились окна. Работает Алексей Андреевич, с уважением подумал я. Вспомнил, как он засиживался до полуночи и меня не отпускал, пока со всеми делами не разберётся. Я поднялся по знакомой лестнице, к знакомому кабинету. За столом дежурного адъютанта сидел молодой офицер. Раньше его никогда не встречал.

– Лейтенант Добров, – отрапортовал я.

– Зачем вы пришли так поздно? Генерал-губернатор уже не принимают, – ответил холодно адъютант, даже не взглянув в мою сторону. Меня это взбесило. Что значит: «не принимают»? Я что – проситель?

– Потрудитесь встать и доложить о моем приходе, – жёстко потребовал я.

Адъютант оторвался от бумаг, посмотрел на меня с удивлением и надменно сказал:

– Вам же доложили, что генерал-губернатор не принимают. Извольте прийти завтра.

– Прошу не указывать, что мне делать! – Я повысил голос. Этот сопляк еще будет мне перечить. – Немедленно доложите обо мне генерал-губернатору.

– Я вызову караул! – пригрозил он.

– Что? – вспыхнул я, и рука невольно потянулась к эфесу шпаги. Что за наглость? Я мог к Аракчееву входить в любое время без всяких церемоний. А этот желторотик угрожать мне вздумал. – Вызывайте!

В это время дверь в кабинет приоткрылась.

– Что за шум? – спросил человек, показавшийся на пороге. – Добров! – радостно воскликнул он. – Чертяга! Вы ли это? А, ну, подите-ка сюда!

Я оказался в крепких объятиях графа Никиты Панина.

– А возмужал-то как! И порохом весь пропах. Заходите. – Я не успел опомниться от неожиданной встречи, а он уже впихнул меня в кабинет.

Сказать, что я сильно удивился – ничего не сказать. Я был ошеломлён! За широким столом, покрытым зелёным сукном, в кресле Аракчеева восседал фон Пален. Безупречный парик, безупречный зелёный сюртук из-под которого выглядывал ворот безупречно белой блузы. Уловив на моем лице полную растерянность, он громко рассмеялся, поднялся, подошёл ко мне и дружески обнял за плечи.

– Да, Добров, такие, вот, дела. Я, фон Пален, нынче военный губернатор Петербурга.

– А где Алексей Андреевич? – выдавил я из себя.

– Ох, не простая это история, – покачал головой фон Пален и вернулся на прежнее место.

– Алексей Андреевич нынче в опале, – прост объяснил Панин и добавил: – Впрочем, и я нынче в опале. Нахожусь в Петербурге нелегально. Вот, на часок заскочил к Петру Алексеевичу.

И они оба добродушно рассмеялись.

– А вы прямо с дороги? – фон Пален взял в руки перо, положил перед собой лист гербовой бумаги. – Не желаете стакан лафиту? У меня отличное вино из Бордо.

– Нет, спасибо, – отказался я. Последний раз ел рано утром, и после стакана лафиту на голодный желудок меня бы развезло.

– Я напишу распоряжение, чтобы вам выделили квартиру и денежное пособие. Вы не состоите ни в какой масонской ложе? – серьёзно спросил фон Пален.

– Нет, – растерянно ответил я.

– Вот и хорошо. А то, знаете, по нынешним порядкам, прежде чем получить деньги, надо подписать заявление, что вы не состоите ни в каких тайных организациях. Это правильно, что вы ко мне заглянули, хотя и так поздно. Кстати, а почему вы пришли в столь неурочный час? Срочное дело было к Аракчееву?

– Мне надо добиться аудиенции императора, – сказал я.

Фон Пален прекратил писать и строго спросил:

– Зачем?

– Я хочу просить за Суворова. Генералиссимусу обещали триумфальную встречу. Он заслужил. Он освободил Италию. Он спас армию...

Повисло молчание. Панин прокашлялся, но ничего не сказал, подошёл к окну и уставился в темноту.

– Послушайте, Семён, – осторожно начал фон Пален. – Вы уезжали из одной России, вернулись совсем в другую. Нынче очень важно следить за своими словами и своими поступками. За одну неверно произнесённую фразу, даже случайно, не по злему умыслу, можно оказаться в Сибири или того хуже...

– Я должен поговорить с императором, – стоял я на своём.

Фон Пален почесал свой римский благородный нос, собираясь с мыслями.

– О Суворове? А поймёт ли вас император?

– Почему он не должен меня понять?

– Как бы вам объяснить, Добров... Вы Павла Петровича хорошо знали? Его странные поступки, его неуравновешенный характер?

– Я знал его, как благородного, умнейшего человека. Он мог вспылить, но всегда руководствовался здравым смыслом.

Панин и фон Пален коротко переглянулись.

– Посмотрите, вот! – Фон Пален достал из ящика стола белый конверт с Российским гербом. – Я должен отправить с курьером это письмо первому консулу Франции, Наполеону Бонапарту. Письмо от Павла Петровича. В нем он вызывает Наполеона на дуэль. Наполеона! На поединок! Как вам новость?

– Не может быть, – не поверил я. – Что за глупость?

– Может, – вздохнул фон Пален, бросив конверт обратно в ящик. – Я же вам объясняю: другая Россия, и император – другой. Впрочем, я вас предупредил. Если желаете, завтра попрошу, чтобы он вас принял. Вам Павел Петрович не откажет. Великий князь Константин уж очень тепло о вас отзывался. Кстати, почему до сих пор вы в лейтенантах?

– Да уж выпишите ему патент капитана, – предложил Панин.